СОДЕРЖАНИЕ

Счастье. *Роман* *5*
Часть первая 7
Глава первая 7
Глава вторая 61
Глава третья 78
Глава четвёртая 102
Глава пятая 136
Глава шестая 154
Часть вторая 196
Глава седьмая 196
Глава восьмая 218
Глава девятая 265
Глава десятая 293
Глава одиннадцатая 312
Глава двенадцатая 348
Русская повесть 355
Рассказы 459
Два короля 461
Родина 476
Муха 498
Григорий Сулухия 509
Минная рапсодия 516
Голос в пути 524
Записные книжки 534

Серия «Сталинские лауреаты»

Разработка серии и дизайн В. А. Воронина

Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону

Счастье

Роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

«Дружище!

Я получил письмо от Александры Ивановны Горевой.

Вот несколько строк о тебе:

«Знаете ли Вы, где Воропаев? Он был тяжело ранен и эвакуирован в тыл.

Говорят, его отпустили в бессрочный, но толком мы так ничего и не знаем. Он всех нас забыл.

Если разузнаете, где он и что с ним, черкните мне немедленно. Номер моей полевой почты — прежний»

Воропаев скомкал письмо и бросил его за борт. Пароход подходил к молу. Вечерело. Горы были уже в тени. Отливая всеми оттенками синего, они необыкновенно картинно висели над городом, похожие на низкие грозовые тучи. Серые массивы садов вокруг города напоминали клубящийся у входа в ущелье туман, а резкие тени облаков на склонах гор — широкие, тёмные овраги.

Эмалевая вода маленькой бухты отражала в себе и синюю — в переливах — тучу гор, и нежный цвет неба, и ещё что-то глубокое, тонкое и прекрасное, что незримо глядело в море сверху, — может быть, музыку, доносившуюся из дальних домов, может быть, запах лесов, душно ниспадающий на воду, или просторный и могучий голос поющей по радио женщины, который так вольно реял над землёю и морем и был так родственен пейзажу, что, казалось, принадлежит существу, обитающему где-то здесь, между гор.

Ещё издали, как только пароход стал осторожно входить в бухту, Воропаев увидел обезображенную набережную, разрушенный морской вокзал и исковерканный бомбами мол. Он невольно поморщился: чувство боли уже не раз овладевало им и в Сталинграде, и в Киеве — везде, где он видел след немца.

Мол и набережная, где до войны к прибытию теплохода из Одессы или Батуми собирались весёлые, шумные толпы и звучала речь на добрых шести языках, были безмолвны.

Несколько немецких дотов из ноздреватого ракушечника выпячивалось на месте шумных «поплавков». У берега валялись обломки десантной баржи.

«Не сюда нужно было ехать», — с тоскою подумал Воропаев, озабоченно прикидывая, где же, собственно, он остановится и с чего начнутся его первые шаги в этом, так на себя не похожем, полуживом городке.

— Мёртвый город, — обернулся к нему капитан, разглядывавший берег, как вновь открытую гавань, и махнул рукой.

Воропаев перегнулся с капитанского мостика.

Человек полтораста пассажиров, переселенцев с Кубани, истошно крича и толкаясь, волновались у трапа.

Из трюмов выгружали коров. Нелепо покачиваясь в воздухе на тросах подъёмных кранов, они испуганно мычали.

Казачки в высоко подоткнутых юбках сновали по молу, на разные лады успокаивали перепуганную скотину, волочили в завязанных мешках поросят, в лукошках — кур, подбрасывали на руках обомлевших от морской качки ребят или степенно выносили, под насмешки мужчин, вазоны с разлапистыми фикусами, неизвестно зачем привезёнными.

— Яке ж тут лихо? — несмело оглядывая горы и море, говорил пожилой казак, обращаясь к молодой женщине, очевидно невестке. — Лихо баби на

печи, шо пич высоко... А тут, бачь, декабрь на двори, а показувает вроде на май...

Женщину это не утешило. Она шумно потянула носом, готовясь заплакать.

— Таманские, старостеблиевские, славянские!.. Регистрироваться!.. Инвалиды, до Стойко!.. Солдатки, сюда!..

— Эй, Степаныч! — крикнули с мола старику. — Чого ж ты!..

И он засуетился, закивал головой и, робко поглядывая на окружающих, стал спускаться по трапу.

— Робинзоны, мать их за хвост! — сказал капитан. — И кой чорт их понес?.. Вы что, тоже с ними, товарищ полковник? — спросил он.

— Нет, я сам по себе, — сквозь кашель ответил Воропаев, не договорив, однако, зачем он, собственно, сюда прибыл.

Сказать, что приехал из госпиталя в долгосрочный отпуск с намерением получить домишко, показалось как-то неудобно, хотя таких, как он, с костылями, с золотыми и красными нашивками за ранения, на пароходе было, как он заметил ещё вчера, несколько человек.

— Местные сами? — поинтересовался капитан.

— Вроде как местный, — чтобы отвязаться, ответил Воропаев.

— Ну, тогда ещё так, тогда ничего. А то разве тут жизнь? Да вы не торопитесь сходить, — сказал он, заметив, что Воропаев намерен был уже спускаться с мостика. — Собьют с ног и задавят за милую душу. Ногу недавно, видно, потеряли, гляжу я. Нет ещё привычки к протезу... И чего, спрашивается, едут, какое такое переселение, с какой стати? Тут лишнего гвоздя не найдёшь, война всё взяла, а они — то им подай, это выложи... К зиме разбегутся, я вас уверяю. Мыслимое ли дело воздвигнуть жизнь на голых камнях? Это же блажь! Ерунда!.. Цыганство какое-то!

Не слушая капитана, Воропаев стал осторожно спускаться с мостика, левой рукой опираясь на костыль, а правой держась за поручень. Матрос помог ему снести по трапу чемодан и рюкзак, и Воропаев с радостью ощутил под ногой землю. Приятно закружилась голова. Покашливая, он тихо двинулся к городу.

На молу и на площади, у развалин морского вокзала, — где до войны помещалась контора Союзтранса и царило постоянное оживление, — было теперь совсем безлюдно.

Набережная открылась нежилыми развалинами.

Город передвинулся в сторону, дальше от моря.

В комитете партии, тоже очень тихом, с моргаликами на столах в пустых и ободранных, когда-то великолепных комнатах, несказанно удивились, услышав, что больной и одноногий полковник приехал на отдых, но не с путёвкой, — это было бы ещё полбеды, так как один или два санатория уже работали, — а просто так, сам по себе, одиночкой, с намерением получить здесь в аренду маленький домик и жить, как придётся.

И, наверное, только этому общему удивлению обязан был Воропаев тем, что о нём немедленно доложили секретарю райкома Корытову. Тот, выглянув в приёмную и взяв Воропаева под руку, повёл его к себе в кабинет, усадил в кресло и подозрительно взглянул ему в глаза, раньше чем прочёл документы прибывшего.

Лицо Корытова, жёлтое и морщинистое, выглядело больным, и во взгляде, которым он встретил странного посетителя, чувствовалось недоумение, почти тревога. Лицо не казалось симпатичным. Вялое, малоподвижное, оно не располагало к себе с первого же взгляда.

— Вы меня не за жулика ли считаете?

Секретарь поднял брови, не отвечая.

— Признаться, вы у меня первый такой, — сказал он потом, несколько раз перечитав все воропаевские бумаги. — С чего же начнёшь, полковник? — полюбопытствовал он и сам же себе ответил, как бы не заметив воропаевского смущения: — Для начала тебе хорошо бы устроиться на ночлег. Раз! Потом поесть. Два! Но это, друг, уже не сегодня. Горячее едим разок в день. Ты, значит, места здешние хорошо знаешь? — И снова не подождал ответа. — Ну вот, тогда сам и выбирай, чего душе твоей угодно. Работать намерен или на пенсии будешь сидеть?

Расспрашивая, секретарь глядел на Воропаева недружелюбно-подозрительно, и в глазах и во всём его облике сквозила явная боязнь неприятных осложнений, которые неизбежны с этим нелепым полковником, приехавшим отдыхать, когда ещё не кончилась война, и претендующим на дом и сад, будто он был по крайней мере трижды Герой Советского Союза. А сам Корытов жил в квартире без стёкол.

— Выслушай меня, товарищ Корытов, — сказал Воропаев, осторожно забирая свои бумаги из секретарских рук. — Скажу тебе сразу: я, видно, свалял дурака, приехав. Это я вижу. Но в общем попробую устроиться так, чтобы не висеть на тебе.

— На мне ты висеть не будешь, я это в один момент ликвидирую, — убежденно, с неприязнью в голосе, перебил его секретарь, — а главное — виси не виси, а толку тебе от этого никакого.

— Понимаю, понимаю. Значит, я сначала попробую найти себе угол, а потом зайду, поговорим о работе.

— Прокурором не пошёл бы? — думая о чём-то своём, спросил Корытов. — А с лекторским делом у тебя как? Работа, сам знаешь, не пыльная, особо загружать не буду, а всё-таки паёк, и то и сё... Оформляйся лектором. Журина! — крикнул он торопливо. — Позови кого-нибудь из кадров!.. Беда,

телефонов нет. Голосовая связь, брат, как в рукопашном бою...

В кабинет никто не вошёл, и Корытов тем же торопливым движением, каким он брал у Воропаева бумаги, развернул на письменном столе потрёпанный и расчерченный цветными карандашами план города.

— Можете выбирать, — щёлкнул он пальцем по юго-западной части города, по знаменитому Чайному холму, граничащему с парком богатого, когда-то удельного имения. — Или вот тут, — махнул он рукой на юго-восток, вдоль шоссе, где начинались виноградные плантации очень крупного винодельческого совхоза, меж которыми рассеяны были частные дачки и небольшие дома отдыха.

— Дома, сам понимаешь, битые, требуют восстановления, и как ты справишься с этим делом, я не знаю, помочь тебе нечем, сам понимаешь... Был бы у меня народ, тогда ещё так-сяк, а то у меня, понимаешь, никого нет... Жуткое дело!

И, сразу отвлекшись от частного воропаевского вопроса, который он, безусловно, считал вздорным, Корытов беспокойно заговорил о делах своего района, и худое лицо его с тревожно-подозрительным выражением уставших глаз заметно оживилось.

Он заговорил о том, что беспокоило его настолько сильно, что он ни о чём другом давно уже не мог думать. Мысли его вертелись только вокруг тех неразрешимо трудных вопросов жизни, разрешить которые он был обязан в самое ближайшее время. Из центра, не ожидая, пока он выйдет из тупика, уже взваливали на него другие дела, решение которых зависело от решения первых (ещё не решённых), и он по опыту знал, что не сегодня-завтра на его плечи свалятся ещё какие-то третьи, пятые, восемнадцатые проблемы, зависящие от проблем вторых, четвёртых и семнадцатых, и понимал, что ни отдалить их, ни взвалить на кого-нибудь другого он не имеет права.

И потому раздражение не оставляло его даже во сне. Он и спал, отругиваясь или нападая.

Рассказывая, Корытов подобрел, хотя то, что он говорил, было совсем нерадостно, но дело-то как раз в том, уверял он Воропаева, что нет на всём Черноморье другого района с такими замечательными перспективами, как его, корытовский, и что только сущие пустяки мешают ему, Корытову, подобраться вплотную к этим перспективам.

В это время дверь в кабинет без стука приоткрылась, и худенькая, невысокого роста женщина в белой официантской куртке и в мягких войлочных шлёпанцах внесла поднос со стаканом чая и омлетом из яичного порошка на маленькой тарелочке.

Она вошла и, увидев постороннего, остановилась, неодобрительно взглянув на него. Воропаев сразу же приметил её неодобрение, и на секунду его удивлённый и её неприязненный взгляды скрестились, породив взаимное смущение. Продолжая рассказывать, Корытов махнул рукой, чтобы она поставила поднос на край письменного стола, и показал ей, не переставая говорить, два пальца, давая понять, что требует ужин и для гостя.

Едва уловимым кивком головы женщина ответила, что второго ужина нет, и повела своими строгими серыми глазами в угол, в сторону шкапчика. Корытов, заметив её взгляд, опять разрешительно помахал рукой и снова показал ей два пальца.

Он всё продолжал рассказывать, что район безлюден, а женщина, неслышно ступая по полу, достала из шкапчика начатую бутылку вина и два стаканчика с перетянутыми талиями — из каких в Иране пьют чай, а в Грузии только вино, — поставила то и другое на стол и, прислонившись к стене, стала ждать, когда Корытов кончит говорить.

— Но, будучи раз покорена, природа, ты понимаешь, не может оставаться без человеческого воздей-

ствия, — продолжал Корытов, наливая вино в стаканчики, разрезая вилкой на две половины омлет и жестом приглашая Воропаева, чтобы тот выпил и закусил. Он, наверно, боялся остановиться, чтобы Воропаев, чего доброго, не ушёл.

— Виноградная лоза — что корова. Корову мало, брат, кормить, ей ещё и ласка нужна. Ты её гладь почаще, и она тебе литрами отдаст. Лоза, заметь себе, точно так же. Не обкопаешь её вовремя, не обрежешь, не опрыскаешь — ни черта не получишь. И сорт не в сорт, и ягоды, понимаешь, с клюкву. А главное, один тут комбайн — руки. Всё вручную, как при царе Горохе.

Воропаев, внимательно слушая, несколько раз хотел было нагнуться и достать из рюкзака банку мясных консервов, но Корытов каждый раз удерживал его почти силой.

— Воды, воды нет! Жуткое дело! — всё более озлобляясь на условия местной жизни, продолжал он неутомимо. — Ты вот, друг милый, приехал поправляться, тебе одно — красота, горы, цветы, море, а это — только губы накрашены, брови подведены. На самом же деле положение — хуже не бывает.

Воропаев мельком взглянул на женщину у стены. её бледное, но по рисунку энергичное и чем-то необъяснимо обаятельное лицо было равнодушно к рассказу. Серые глаза под тёмными, резко прочерченными бровями исконной казачки спокойно разглядывали гостя.

— Ты понял теперь меня? Послушай — топлива нет, транспорта нет... было в районе более тысячи машин, сейчас пять «трофеек» без резины. Света нет. Жуткое дело!

Слушая Корытова, Воропаев постепенно начал понимать, какое нелепое, странное и даже обидное впечатление должен был произвести на Корытова приезд по личным делам заслуженного коммуни-

ста — правда, четырежды раненного, с обрубком левой ноги и с туберкулезом лёгких, но все-таки способного ещё многое сделать, а вместо того мечтающего о какой-то дурацкой хуторской жизни.

Он взглянул на разозленное лицо Корытова, чтобы прикинуть, к нему ли лично относится негодование секретаря, но, ничего не решив, поднялся и стал прощаться.

Не удивляясь тому, что гость уходит, и не удерживая его, Корытов тряс его руку, досказывая о чём-то своём.

Женщина отделилась от стены и собрала на поднос два винных стаканчика, тарелочку из-под омлета и пепельницу, наполненную окурками.

Из всего разговора она поняла только одно, что приезжему — хоть он и с орденами, и в больших чинах, и собою видный мужчина, — что ему придётся плохо. Его лицо с зеленовато-восковой кожей, синие окраины глаз и блестящие, точно всё время возбуждённые глаза говорили, что человек болен, и болен сильно. Она вздохнула и бесшумно вышла из комнаты.

Корытов крикнул вслед Воропаеву:

— Дня через три ты обязательно выступи для партактива. Что-нибудь о черкасовском движении. Ладно?

— А ты вообще-то людей часто собираешь? — с порога спросил Воропаев.

— Не особо. И негде, и некогда, да и с питанием, знаешь, жуткое дело. Это, брат, сказывается на настроении.

— Ещё бы! Это я по себе чувствую, — сказал Воропаев.

Корытов беспомощно развел руками.

В приёмной (когда-то, очевидно, гостиная богатого особняка) было почти темно. Моргалик чадил из последних сил.

— Вы бы оставили у нас вещи, — сказал кто-то из темноты. — Я запру, никто не украдёт.

— Кто это?

— Я, Лена, — ответил голос, и Воропаев понял, что это та самая худенькая женщина, что подавала ужин.

Оставив у неё чемодан, но взяв с собою рюкзак, где было кое-что из съестного, Воропаев вышел из особняка.

Было так темно, что дома сливались с воздухом. Он остановился — приучить глаза к мраку. От земли веяло сыроватым теплом. Где-то вдали слышались голоса. Очевидно, из порта шла партия переселенцев. Размеренно похрапывал прибой. И по этим звукам Воропаев в состоянии был определить лишь то, что море слева от него, а голоса и, значит, улица — справа. Но двинуться он не мог, потому что не разбирал, где дома, а где мостовая. На его ручных часах со светящимся циферблатом было около двенадцати, до рассвета добрых четыре часа. Он не знал, что предпринять.

— Вы что, заблудились? — белая куртка Лены неясно мелькнула рядом с ним. — Куда вам?

— В колхоз, — сказал он первое, что пришло на ум. — Должно быть, я там и переночую.

Ему показалось, что она пожала плечами, но, конечно, в темноте он не мог этого видеть.

— Мне тоже в ту сторону. Пойдёмте, я доведу, — сказала Лена.

Воропаев смело шагнул за ускользающим от него белым пятном куртки. В своих мягких войлочных туфлях женщина двигалась настолько бесшумно, что Воропаев почти не ощущал её соседства с собою, одно её дыхание напоминало ему, что кто-то рядом.

— Дайте-ка мне руку, а то вы как привидение, — улыбнувшись, сказал Воропаев и услышал негромкое предупреждение:

— Смотрите, не разбейтесь. На фронте целым остались, а у нас смертельную аварию получить можете.

— Бывает. Пойдёмте тише. Задыхаюсь я.

Рука об руку, они медленно, точно гуляя, поднимались вверх по улице, густой и пахучей, как аллея. Мёртвые дома безгласно стояли по бокам.

Пахло отсыревшею старою гарью, и ни одно движение, ни один звук не давали о себе знать слуху, донельзя напряжённому в столь неестественной тишине.

— Даже собак — и тех не слышно, — прошептал Воропаев. — И те ушли.

— Будете у нас жить? — спросила Лена.

— Придётся.

— С семьёй или одни?

— Семья у меня — один сынишка семи лет. Ради него всю эту чепуху с переездом на юг задумал.

— Прихварывает?

— Да, — неохотно ответил он, чувствуя, что интерес, проявленный к нему этой женщиной, идёт не от сердца, а от желания завтра обо всем информировать своего Корытова. — Плоховато вы тут живёте. Этот Корытов ваш... — он закашлялся и остановился, — не нравится мне он, должен сказать.

Она перебила, тряся его руку:

— Не мог он вас, товарищ полковник, к себе пустить ночевать, ну, не мог, поверьте. В одной комнатёнке — он, жена да двое мальчишек, спят на чём придется.

— Да нет, чёрствый он какой-то. Что же, в райкоме нельзя было устроить?

— Ничего он не чёрствый, — убеждённо сказала женщина. — Да разве на вас угодишь? Едут и едут, одно — давай и давай: тому дачу, тому дворец, тому — не знай что... А кто б спросил, как мы-то живём! Хлеб через два дня на третий выдают,

а сахару, жиров — я уж про них и забыла, а у нас тоже дети и тоже...

Она замолчала, точно боялась проговориться о чём-то, чего нельзя было доверить чужому.

— Или Сталину не так докладывают, — сказала она после паузы, и ему опять показалось, что она пожала плечами, — или я, право, не знаю, что такое. Всё планы да планы, а мы, живые люди, где? Позаваливали нас этими планами выше головы.

— Это вы своего Корытова благодарите. В хороших руках план — дело необходимое.

— Вам-то хорошо, которые без плана: дачу возьмёте, сад при ней; глядишь, три яблони — и те, слава богу, каких-нибудь полторы-две тысячи за лето дадут. Вам можно критику наводить.

— Вы что же думаете, я фруктами торговать собираюсь?

— Все так делают...

Он промолчал. Женщина не продолжала разговора. Улица, круто поднявшись выше старых садов, стала светлее, просторнее. Далеко впереди мелькнул расплывчатый огонь костра.

— Вы, значит, вдовый, — произнесла женщина. — Ну, дело поправимое, — сказала она с шутливой иронией. — Нынче не смотрят, что старый, давай любого.

Его неприятно кольнуло, что слово «старый» она отнесла к нему как что-то бесспорное.

— А вы вдовая, незамужняя? — спросил он, готовясь ответить ей первою пришедшей на ум колкостью, и почувствовал, как дрогнула её худая и тонкая рука с маленькими, грубыми, точно припухшими пальцами.

— Не знаю, — сказала она. — То ли вдова, то ли брошенная. Муж в Севастополе был. Три года ни слуху, ни разговору. Даже «похоронки», и той не прислали.